

К.Я. Грот

Об изучении славянства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.Я. Грот**
Об изучении славянства / К.Я. Грот – М.: Книга по Требованию, 2013. – 68 с.

ISBN 978-5-458-10913-0

Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. Санкт-Петербург: типография Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1901.

ISBN 978-5-458-10913-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Болѣе и болѣе пробуждающійся въ русскихъ людяхъ интересъ къ славянскимъ дѣламъ, къ политической и культурной жизни зарубежныхъ славянъ, съ другой стороны быстрые успѣхи распространенія русскаго языка на славянскомъ западѣ и югѣ и частое въ послѣднее время обсужденіе вопроса о роли его, какъ общелитературнаго и международнаго органа всѣхъ славянъ, недавнее обновленіе Славянскаго Благотворительнаго Общества, новый уставъ котораго открыто и опредѣленно ставитъ его цѣлью — *„содѣйствовать развитію славянской взаимности и духовному единенію славянъ съ Россіей“*, наконецъ, ожидаемая реформа русскоѣ средней школы въ національномъ духѣ, т. е. постановка ея на самобытную русскую, а слѣдовательно и славянскую основу, — развѣ все это не утѣшительные признаки несомнѣннаго шага впередъ въ національномъ нашемъ развитіи, столь задержанномъ вѣковыми историческими условіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ культурномъ ростѣ всего славянскаго міра?

Не наступаетъ ли время, когда, благодаря новѣйшимъ успѣхамъ русскаго самосознанія, болѣе близкое и основательное знакомство со славянствомъ, становясь у насъ прямою потребностью, должно стать и необходимымъ элементомъ общаго образованія?

Столь живой вопросъ русской современности выдвигаетъ впередъ незаслуженно заброшенный и оставашійся у насъ въ тѣни и пренебреженіи предметъ, который отчасти вслѣдствіе такого равнодушнаго общественнаго къ нему отношенія не видѣлъ къ себѣ достаточнаго вниманія и поощренія и со стороны официальныхъ сферъ. *Славяновѣдѣніе*, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени не пользовалось вовсе популярностью не только въ широкихъ кругахъ нашего образованнаго общества, но даже и въ наиболѣе просвѣщенныхъ, ученыхъ и литературныхъ сферахъ его.

Эта научная область (славистика), достигшая въ наше время и на западѣ широкаго развитія, чѣмъ значительно обязана дѣятельности и трудамъ цѣлой блестящей плеяды какъ западно-славянскихъ, такъ и русскихъ ученыхъ, имѣетъ у насъ свою мало отрадную, и тѣмъ болѣе поучительную исторію.

Взлелѣянная и поддержанная когда-то, въ начальную пору своего развитія, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX в., тогдашними лучшими русскими патріотами и руководителями отечественнаго просвѣщенія—кому не извѣстны незабвенныя имена Шишкова и гр. Румянцова?—обладавшими не только живымъ національнымъ чувствомъ, но и достаточною проницательностью и дальновидностью, эта наука въ послѣдующія эпохи и до нашихъ дней не находила себѣ болѣе сколько-нибудь замѣтнаго покровительства и поощренія со стороны высшихъ блюстителей образованія, а напротивъ, не разъ испытала ничѣмъ не оправдываемыя затрудненія и стѣсненія въ своемъ развитіи.

Вспомнимъ изъ болѣе отдаленнаго прошлаго хотя-бы отмѣну университетскихъ чтеній по славянской исторіи по поводу европейскихъ политическихъ событій 1848—1849 г., отразившуюся и на дальнѣйшей судьбѣ этого предмета въ

университетскомъ преподаваніи — несомнѣнно въ ущербъ успѣхамъ у насъ этой отрасли вѣдѣнія, а изъ недавняго— донынѣ остающееся въ силѣ непонятное приниженіе и умаленіе славистики въ системѣ университетскихъ курсовъ по послѣднему уставу—1884 года...

Неудивительно поэтому, что въ русскихъ университетахъ преподаваніе славяновѣдѣнія за послѣднія десятилѣтія не только не расширялось и не развивалось, а напротивъ даже сокращалось, тогда какъ въ то же время на Западѣ, не только у славянъ, но и въ Германіи и другихъ странахъ, эта каѳедра получала все болѣе простора и значенія, находя себѣ убѣжденных приверженцевъ и ходатаевъ въ средѣ авторитетныхъ европейскихъ ученыхъ, а число иностранныхъ ея представителей (не славянъ) нынѣ все растетъ, а съ этимъ растетъ и западно-европейская славистическая литература.

Будемъ же надѣяться, что близится и у насъ лучшее время для славянской науки, что значеніе ея въ системѣ нашего общаго образованія, наконецъ, входитъ въ общее сознаніе и что какъ въ университетскомъ преподаваніи въ ближайшемъ будущемъ славистикѣ будетъ дана нормальная, болѣе широкая постановка (естественнымъ раздробленіемъ славянской каѳедры), такъ и въ средней школѣ преобразователи ея пойдутъ на встрѣчу этой назрѣвающей общественной и культурной потребности и введутъ въ школьныя программы хотя-бы начальныя, необходимѣйшіе элементы славяновѣдѣнія, что можетъ лишь способствовать желательной націонализаціи школы.

Въ виду такого грядущаго значенія славянскихъ изученій, я позволяю себѣ предложить здѣсь читателямъ набросанный мною недавно сжатый очеркъ развитія славяно-

вѣдѣнія ¹⁾), къ которому присоединяю прежнія свои случайныя замѣтки о важности этого предмета и новыя—о желательной нынѣ постановкѣ славистики въ университетахъ и о томъ, что нужно для ея популяризаціи.

Да послужатъ эти немногія страницы хоть сколько-нибудь уясненію вопроса о мѣстѣ, какое должно, наконецъ, занять въ образованіи и умственномъ кругозорѣ русскаго общества, въ его наукѣ и литературѣ, изученіе братскихъ народовъ, столь необходимое для его культурнаго и національнаго роста.

К. Г.

¹⁾ Этотъ очеркъ, написанный для „Энциклопедическаго Словаря“ изд. Брокгауза, т. 59, подвергся въ „Словарѣ“ нѣкоторымъ редакторскимъ, всегда немного досаднымъ для автора сокращеніямъ. Тѣмъ болѣе я дорожу его издать въ полномъ и мѣстами даже нѣсколько распространенномъ видѣ. При всемъ томъ осталась и теперь нѣкоторая неравномѣрность въ изложеніи отдѣловъ, объяснимая тѣмъ, что при составленіи статьи принималось въ расчетъ существованіе въ „Словарѣ“ особаго очерка *русской славистики*.

І.

Историческій очеркъ развитія Славяновѣдѣнія.

Славяновѣдѣніе (славистика) — есть наука о славянствѣ въ его цѣломъ и въ частности о каждомъ членѣ племенной семьи славянской во всѣхъ проявленіяхъ его народнаго типа и его жизни въ прошедшемъ и въ настоящемъ, — есть всестороннее изученіе славянъ въ отношеніяхъ лингвистическомъ и этнологическомъ, археологическомъ и историческомъ, историко-литературномъ и фольклористическомъ, религіозномъ и церковно-историческомъ и проч. Впрочемъ всякая славянская народность въ обычномъ употребленіи нѣсколько ограничиваетъ объемъ понятія славистики выключая изъ него себя и разумѣя подъ нимъ всю область *инославянскихъ* изученій. Такимъ образомъ русское славяновѣдѣніе въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ изученіе всего заграничнаго, западнаго и южнаго славянства, а именно: галицкой, угорской и буковинской Руси, ляхской вѣтви съ ея развѣтвленіями (современными и вымершими, каковы бѣлгійскія и полабскія), сербо-лужичанъ, чехо-мораванъ и словаковъ, сербо-хорватовъ съ ихъ разновидностями, словинцевъ (словенцевъ или хорутанъ) и болгаръ. Съ другой стороны въ область славяновѣдѣнія, въ особенности какъ науки о славянствѣ въ его совокупности, входитъ иногда тѣсно соединенное съ нимъ изученіе народностей, своей судьбой и исторіей неразрывно со славянствомъ связанныхъ и составляющихъ съ нимъ одинъ культурно-историческій міръ, а именно мадьяръ, румынъ, албанцевъ и т. д., хотя эти народности сами по себѣ въ этнологическомъ отношеніи конечно представляютъ объекты совершенно самостоятельнаго изученія.

Не смотря на многовѣковую политическую и культурную жизнь славянства, носящую яркую печать національной самобытности, славяновѣдѣніе

въ современномъ строгомъ значеніи этого слова есть наука еще очень молодая, лишь со 2-й пол. XIX в. ставшая на прочное основаніе и овладѣвшая надежными научными методами. Причины этой отсталости въ изученіи славянства, поскольку она не зависѣла отъ довольно поздняго развѣта филологической науки вообще, кроются главнымъ образомъ въ разобщенности историческихъ судебъ славянства, въ его культурной разрозненности и сравнительно позднемъ развитіи общеславянскаго самосознанія. Только съ наступленіемъ въ концѣ XVIII и въ нач. XIX в. эпохи національнаго возрожденія у славянъ, въ связи съ общеевропейскими умственными и политическими теченіями, съ пробужденіемъ среди западныхъ славянъ сильнаго интереса къ взаимному сближенію и изученію и благодаря успѣхамъ историко-филологическихъ наукъ на Западѣ, особенно въ Германіи, стала создаваться и быстро развиваться наука славяновѣдѣнія, при чемъ не обошлось безъ существеннаго вліянія нѣмецкой философской мысли на область славянскихъ историческихъ изученій и нѣмецкой лингвистической школы на направленіе и успѣхи собственно-славянской филологіи.

Тѣмъ не менѣе проблески славянскаго самосознанія и интереса славянъ другъ къ другу, начатки взаимныхъ славянскихъ изученій обнаруживались довольно рано, и можно отмѣтить рядъ любопытныхъ фактовъ изъ этой области начиная съ конца XIV в. До этого, идя вглубь вѣковъ, мы встрѣчаемся лишь съ очень рѣдкими и одинокими проявленіями славянскаго самопознанія и взаимнаго интереса, и только на зарѣ славянской культурной исторіи мы видимъ такое поразительно-крупное и знаменательное явленіе этого рода, какимъ была дѣятельность великихъ апостоловъ-просвѣтителей славянства, свв. Кирилла и Меѳодія, которые должны быть по справедливости признаны и первыми замѣчательными славистами. Они первые изучили славянскіе языки и обогатили славянъ такими книжными сокровищами, которыя одни были въ состояніи духовно и литературно сблизить и связать ихъ и оказались самымъ прочнымъ средствомъ и проводникомъ славянскаго культурнаго единенія на всѣ времена. Впослѣдствіи у всѣхъ народовъ славянскихъ первые шаги въ области ознакомленія съ соплеменниками связываются съ интересомъ къ плодамъ трудовъ свв. Кирилла и Меѳодія, къ языку церковно-славянскому, къ старославянской письменности, а также съ изученіемъ своей первоначальной исторіи. Непосредственный же интересъ къ своимъ сородичамъ, къ ихъ жизни, быту и языку долго игралъ еще очень незначительную роль. Лучшимъ примѣромъ такого ранняго славянскаго самопознанія на почвѣ интереса къ древнеславянскому языку и письменности и изученія прошлаго своей родины является нашъ Несторъ, или авторъ начальной лѣто-

писи, который преподавал своимъ соотечественникамъ первые уроки славянской этнографіи и бытовой старины. Что касается Западной Европы и сосѣдей славянъ, то у нихъ временный и случайный интересъ къ славянству, возбуждаемый внѣшними отношеніями и политикой, не вызывалъ до новѣйшихъ временъ сколько-нибудь обстоятельныхъ изученій и въ результатѣ далъ въ прошедшемъ лишь рядъ болѣе или менѣе цѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ о славянахъ съ древнѣйшихъ временъ въ лѣтописяхъ и хроникахъ Западной Европы, византийцевъ, арабовъ и проч.

Отмѣтимъ главнѣйшіе историко-литературные факты, характеризующіе начальный фазисъ славянскихъ изученій съ конца XIV и до 2-й пол. XVIII в.

Интересъ къ соплеменникамъ, всегда обусловливаемый подъѣмомъ національнаго самосознанія, ранѣе всего естественно пробудился въ народѣ, условія существованія и исторіи коего всего болѣе способствовали развитію этого самосознанія, и въ ту эпоху, когда обстоятельства дали ему особенно сильный толчокъ. Это было въ Чехіи въ XIV и нач. XV в. Въ дѣлѣ ознакомленія чеховъ съ инославянскимъ міромъ извѣстную роль сыгралъ фактъ призыва хорватскихъ монаховъ - глаголитовъ въ пол. XIV в. Карломъ I (IV) въ основанный имъ Пражскій Эмаусскій монастырь и введеніе тамъ глаголическаго богослуженія. Вскорѣ затѣмъ начавшееся въ Чехіи гуситское движеніе создало болѣе благопріятную почву для расширенія интересовъ къ славянству. Чешскіе ученые книжники пораженные сходствомъ «словѣнскаго» языка священныхъ книгъ хорватской редакціи съ своимъ роднымъ языкомъ, пускаются въ сравнительно-филологическія сближенія (Янъ Голешовскій, 1397). Самъ Гусъ въ трудахъ по реформѣ чешскаго правописанія обнаруживаетъ знакомство съ южнославянской фонетикой, а Иеронимъ Пражскій въ своихъ странствованіяхъ имѣлъ случай практически ознакомиться съ славянскими нарѣчійми. Свѣдѣнія о славянствѣ распространялись въ Чехіи особенно широко благодаря чешскимъ братьямъ, ихъ путешествіямъ въ славянскихъ земляхъ и религиознымъ сношеніямъ въ теченіе XV и XVI вв. Въ XVI-мъ можно усмотрѣть первые зачатки славянской филологіи, а именно знакомство съ другими славянскими нарѣчійми въ трудахъ нѣкоторыхъ лучшихъ представителей чешскаго гуманизма, какъ напр. у Сигизмунда Грубаго изъ Еленья (въ его словарь 4-хъ языковъ, *Λέξιχον σόμφορον*, гдѣ есть сближеніе чешскаго съ польскимъ и южнославянскими языками), который, живя въ Базелѣ, много сносился съ разными славянами, а также у чешско-братскихъ ученыхъ. Здѣсь первымъ является знаменитый Янъ Благославъ (1523—1571), авторъ обширной чешской грамматики съ сравнительными указаніями на другія славянскія нарѣчія (1571 изд. 1857) и съ любо-

пытными разсужденіями о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, далѣе Матвѣй Бенешовскій († послѣ 1590), обнаруживающій въ своихъ филологическихъ трудахъ (1580-хъ гг.) еще большія познанія въ славянскихъ нарѣчіяхъ и достаточно опредѣленно выраженныя чувства національнаго самосознанія, и мног. друг. Но такое славянское направленіе мыслей должно было ослабѣть въ XVII в., въ тяжелую, мрачную эпоху послѣ политическаго и національнаго паденія Чехіи (1620). Однако, и въ это время славянское чувство не совсѣмъ исчезло изъ лучшей части общества и проявляется въ трудахъ немногихъ патріотовъ-ученыхъ той поры: Богуслава Бальбина († 1688), Пешины изъ Чехорода (1680), Павла Странскаго (1657), нѣсколькихъ чешскихъ филологовъ (Роса, Горчичка), словака Кермана (нач. XVIII в.) и друг.

У *поляковъ*, благодаря ихъ довольно центральному въ славянствѣ положенію и давнимъ многоразличнымъ сношеніямъ съ соплеменниками, славянское сознаніе пробудилось также довольно рано и сказывается, особенно съ XVI в. (но и ранѣе), какъ въ ихъ политической жизни, такъ и у ихъ писателей, публицистовъ и особенно лѣтописцевъ и географовъ, удѣлявшихъ значительное вниманіе славянскимъ народамъ, ихъ политической жизни и взаимнымъ отношеніямъ. И знакомство съ другими славянскими языками дѣлаетъ у поляковъ успѣхи въ ту же пору, и въ XVI в. польскіе филологи (Мончинскій, Пашковскій, Статорій) обнаруживаютъ такое знакомство, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ современные имъ чехи. Любопытны напр. разсужденія о славянскихъ языкахъ у Л. Гурницкаго («Dworzanin polski» 1566).

Такой же интересъ до нѣкоторой степени проявляется и у *южныхъ славянъ* въ XVI и XVII вв., а именно у хорватовъ, далматинцевъ и словенцевъ, жившихъ въ болѣе культурныхъ и благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ восточные братья (подъ турками). Всего замѣтнѣе это у хорвато-далматинскихъ писателей — монаховъ (босанскихъ францисканцевъ, такъ наз. «глаголяшей» и у іезуитовъ, напр. Комуловича, Леваковича, Крижанича), а также у реформатскихъ дѣятелей (конца XVI в.) — словенцевъ (П. Труберъ, С. Крелль, Ю. Далматинъ, А. Богоричъ и др.) и хорватовъ. Но самое выдающееся и исключительное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ знаменитый хорватскій панславистъ XVII в. *Юрій Крижаничъ*, бывшій и первымъ замѣчательнымъ славистомъ своего времени (род. 1617, ум. въ концѣ XVII в.). Обладая замѣчательными способностями, получивъ превосходное образованіе, изучивъ славянскіе языки и славянство изъ непосредственныхъ сношеній и наблюденій, а главное проникшись до глубины души идеей славянской взаимности, горячей любовью къ славянству и страстнымъ желаніемъ послужить его благу, Кри-

жаничъ измѣнилъ своей первоначальной миссіонерской карьерѣ въ римско-католическомъ смыслѣ, подчинилъ интересы вѣроисповѣдныя національно-культурнымъ интересамъ всего славянства, какъ цѣлаго, и ставъ ревностнымъ пропагандистомъ идеи славянскаго единенія подъ главенствомъ Россіи, посвятилъ себя служенію ей всѣми трудами своими (не взирая на постигшую его тяжелую долю—15-лѣтнюю ссылку въ Сибирь). Его замѣчательный трудъ, грамматика русскаго языка, представляя интересную попытку создать идеальный всеславянскій литературный языкъ (изъ смѣси хорватскаго съ русско-славянскимъ), при всей несостоятельности основной идеи, есть знаменательное явленіе по мысли и по исполненію въ исторіи славяновѣдѣнія. До него и гораздо позже въ этой области нельзя указать ничего подобнаго этому сочиненію Крижанича и нѣкоторымъ другимъ его трудамъ, напр. «Политикѣ» и пр. Можно думать, что дѣятельность Крижанича въ Россіи, не смотря на свою преждевременность и всѣ неблагоприятныя условія, не осталась безслѣдною и заронила добрыя сѣмена. Наступившая вскорѣ затѣмъ эпоха Петра Великаго и его реформъ — вмѣстѣ съ его славянскими сношеніями служить тому подтвержденіемъ.

Еще до Крижанича свѣдѣнія о славянахъ и ихъ нарѣчіяхъ проникали на Русь, къ русскимъ книжникамъ и грамотеямъ двоякимъ путемъ: посредствомъ церковно-славянскаго языка и посредствомъ усвоенія церковной и вообще старой славянской письменности, шедшей къ намъ отъ юго-славянъ (болгаръ и сербовъ) и черезъ поляковъ (при посредствѣ юго-западной Руси), съ которыми московская Русь была въ XVI—XVII вв. въ столь разнообразныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ. Привившаяся у насъ западно-русская школа принесла съ собою и свѣдѣнія о славянахъ. Такъ называемые азбуковники (родъ энциклопедическихъ словарей) заключали въ себѣ начальные элементы славяновѣдѣнія. Но интересъ русскихъ къ славянству сталъ гораздо живѣе въ эпоху преобразованій Петра Великаго, благодаря его широкому взгляду и гениальной проницательности, сказавшимся въ его неоднократныхъ сношеніяхъ съ славянами (вспомнимъ его сношенія съ Лейбницемъ). Возбужденный къ нимъ интересъ сталъ съ тѣхъ поръ хотя и медленно увеличиваться въ русскомъ обществѣ, особенно у передовыхъ людей науки и литературы, выдвинутыхъ эпохой реформъ. Тутъ слѣдуетъ помянуть знаменитаго В. Татищева († 1750), удѣлявшаго въ своихъ трудахъ (въ «Исторіи Россійской», «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ») подобающее вниманіе и славянскимъ племенамъ.

Со 2-й пол. XVIII в. славянскія изученія вступаютъ въ новый, болѣе сознательный и болѣе научный фазисъ; но прошелъ еще почти цѣлый вѣкъ до зарожденія истинно-научнаго славяновѣдѣнія, т. е. цѣлаго цикла

наукъ о славянахъ на твердой почвѣ строгой исторической критики и сравнительнаго славянскаго языкознанія.

И въ этомъ второмъ фазисѣ *Чехи* идутъ впереди другихъ славянъ въ историческихъ и филологическихъ занятіяхъ славянствомъ. Уже въ 1745 г. появляется первый серьезный трудъ о происхожденіи славянъ — Я. Хр. Гордана (*De originibus slavicus*) — съ сравнительными замѣчаніями о языкахъ славянскихъ. Затѣмъ славянской филологіей (исторіей) занимались М. Шимекъ (1778), словаки М. Бель († 1749) и Ю. Папанекъ (1780) и наконецъ съ особеннымъ успѣхомъ Ф. Дурихъ (1738 — 1802; его *Bibliotheca slavica etc.*» 1795), во многомъ бывшій предшественникомъ Добровскаго, ему многимъ обязаннаго. Приблизительно тогда же (въ 60 и 70-хъ гг. XVIII в.), выступилъ съ своими замѣчательными трудами отецъ чешской критической исторіи Геласій Добнеръ (1719 — 1790) своими мнѣніями о происхожденіи славянъ и чеховъ возбуждившій полемику въ чешскихъ и польскихъ ученыхъ кружкахъ. По его стопамъ пошли и другіе историки: выдвинулся (въ 1780 и 90-хъ гг.) Ф. Пельцель (1734 — 1801), появились труды Публички (1770), незабывающаго и славянской исторіи, Фойхта и др. Наконецъ въ ту же пору начинаетъ свое славное ученое поприще и великій «патріархъ славистики» Іосифъ Добровскій (1753 — 1829), приступившій къ изученію славянскихъ языковъ и древностей съ чрезвычайно обширной для того времени подготовкой и рѣдкой основательностью.

У *поляковъ* также были въ это время (въ концѣ XVIII в.) люди, интересовавшіеся славянской исторіей и древностью (Мощенскій, кн. Іос. Яблоновскій, Ст. Ключевскій, А. Нарушевичъ, Я. Потоцкій и др.), но научныя занятія славянской филологіей начались у нихъ съ трудовъ младшаго современника Добровскаго, знаменитаго лексикографа Линде († 1847), тогда какъ въ области славянской исторіи и древности, рядомъ съ Доленга-Ходаковскимъ, Маевскимъ, Раковецкимъ и Бандтке (всѣ перв. четв. XIX в.), первое мѣсто принадлежитъ Л. Суровецкому (1760 — 1827), осторожныя и критическія изслѣдованія котораго приготовили намъ Шафарика.

У *Южныхъ славянъ* успѣхи славяновѣдѣнія росли вмѣстѣ съ развитіемъ исторіографіи, которая особенно у хорватовъ и въ Далмаціи представляла довольно выдающіяся явленія и ранѣе, съ конца XVI в. и до начала XVIII в.: достаточно назвать Ф. Вранчича, и особенно дубровчанина Мавро Орбини († 1614), котораго всеславянская исторія на итальянскомъ языкѣ (1601) была переведена, какъ извѣстно, между прочимъ и на русскій языкъ и приобрѣла большую популярность и распространѣніе. По тому же пути пошли и другіе югославянскіе писатели XVII и